

(Продолжение. Начало в № 29)

На подводной лодке К-431, заводской номер 175, стоявшей на пирсе, военнослужащие технической базы как раз меняли активную зону реактора, как и положено было раз в пять лет. Поставили, стали проводить испытания... Вдруг обнаружилось, что из-под крышки реактора — течь! Вещь абсолютно недопустимая! Чтобы узнать, что там между крышкой и реактором, решили эту крышку вновь приподнять плавкраном. Строго в горизонтальном положении, как предписывают правила безопасности. Малейшая оплошность и — катастрофа. Может, болт уронили салаги какие-нибудь, ключ забыли — люди есть люди, человеческий фактор. Машинист крана весь в напряжении. Не дай бог качнуть. Под компенсирующей решёткой ядерное топливо, вода под высоким давлением и с колоссальной температурой. Чуть плеск — атомный взрыв! Но ведь не первый раз. Тросы и гаки выверены до миллиметра. Ну ещё чуть... ещё чуть-чуть...

Катер какой-то прошёл по бухте.

От волны чуть дрогнул корпус плавкрана. И вдруг хлопок! В штабе несколько стёкол в окнах вылетели. И даже загудело вроде что-то, отзвук как эхо. Из кабинета начштаба и командира части телефонные трели. И сирена за окном! Боевая тревога!

Все высыпали на улицу. Рафика подхватила попутная машина и в сторону бухты к пирсу. Оттуда всё началось.

В сторону пирса ехали, завывая, пожарные машины, мчались, взвизгивая резиной на поворотах, штабные УАЗики, бежали люди. Из К-431 языки пламени и серо-коричневый, в форме гриба, дым. Запах озона, как при грозе. Говорят, это характерный запах ядерного распада, то есть взрыва. Не знаю, кто говорит. Кто мог остаться живым при ядерном взрыве? Разве что те, кто был далеко в стороне. Или взрыв был миниатюрный? Не сказать, что взрыв в бухте Чажма был миниатюрный. Верх подводной лодки вскрыло как консервную банку. Многотонную крышку реактора выбросило через все окружающие корабли на противоположный берег. Нутро лодки разворотило и тоже повыбрасывало. Лодка притоплена. Личный состав соседних кораблей из-за неимения мест в казармах

посёлка Дунай проживал в каютах и кубриках на кораблях, и теперь все матросы высыпали на палубы. С соседних кораблей – так на сторону взрыва. Чтобы разглядеть получше, что за катавасия, что за сила приподняла и вновь опустила их корабли. Вскоре к пожарным, тушившим пламя, присоединились помпы соседних кораблей. Военные моряки стали приходить в себя. Пожар часа через четыре был потушен. Назначили команду разведывательно-спасательную. Ведь возле реактора находились восемь офицеров и два матроса. Что с ними? Шансов на спасение, конечно, не было. Но хоть тела разыскать. Тел тоже не было, а были бесформенные отдельные фрагменты тел по всей лодке и бухте чуть ли не по всему периметру. Ни опознать, ни определить. Ни на какую радиацию сначала никто не обращал внимания. На другой день лейтенант Саттаров прибыл в расположение своего батальона знакомиться с личным составом. Из штаба флота поступило распоряжение организовать аварийно-спасательную команду для ликвидации последствий аварии, учитывая радиационную опасность. Хотя взрыв был признан не ядерным, а тепловым. Знакомая ситуация, не правда ли? Через год «тепловой» взрыв на Чернобыльской АЭС. Правда, уже никто не скрывал того, что была огромная утечка радиации...

– Никакой спецодежды, никаких бань и душевых, – вспоминает Рафик Саяфович. – Никаких дозиметров индивидуального пользования, ни накопителей.

В анкете, заведённой Комитетом ветеранов подразделений особого риска в 1994 году на Рафика Саттарова, говорится:

«...21. Характер выполняемой работы: до, во время и после ядерного взрыва – Ликвидация радиационной аварии с 12.08.85, дезактивация металла на складе металлов в/ч 63971 под воздействием внешнего гамма-излучения и РВ в открытом виде в условиях опасной радиоактивной обстановки.

22. Контакты с заражёнными объектами: до, во время и после ядерного взрыва – Ликвидация радиационной аварии, непосредственный контакт с радиоактивными веществами в открытом виде».

Но это уже оформлялось и составлялось спустя несколько лет после взрыва, когда случился Чернобыль и завеса секретности стала спадать, когда был создан Комитет ветеранов подразделений особого риска.

А тогда... Тогда лейтенант Саттаров нёс службу, положенную по уставу. С матросами своей роты отскрёбывали днища кораблей от ракушек, красили, драили, меняли изношенное... Служба ремонтников есть служба ремонтников. Ну и кроме того, то, что записано в анкете.

Заражённые предметы списывали, отправляли в могильники, аварийную лодку

переместили на дальнее кладбище погибших, списанных кораблей. Приходилось грузить в специальные контейнеры и отправлять куда-то в Сибирь для захоронения радиационные отходы, выброшенные взрывом из лодки. Рутинка, в общем.

О том, как лейтенант Саттаров нёс службу, говорят хотя бы следующие два факта: представление к повышению звания и получение однокомнатной квартиры. Звание – это значит есть зарплата, будущая обеспеченность. Квартира... ну что квартира? Жениться надо! Есть, где семью разместить. Вы понимаете, чувство какое? Словно тебя, победителя, вновь качают твои друзья-сослуживцы. Внутренний восторг. Отметить – само собой. Но не выпячивать.

Конечно, приходили к ним в Дом офицеров девушки. В гости, потанцевать, кино посмотреть, познакомиться. Но среди молодых морских офицеров они не вызвали особого доверия ни во-первых, ни во-вторых. Ну то, что стоит за этим «во-первых», понятно. А вот «во-вторых»... Молодыми лейтенантами и мичманами передавалось из уст в уста, что эти... им бы лишь бы выйти замуж за морского офицера. Муж в плавание, жена с его аттестатом и зарплатой – на берегу... Мало того, стоит ей забеременеть и родить, как тут же развод. А что? Ей с хорошей зарплатой – хорошие алименты. А если она выйдет два-три раза ещё? За троих детей ей какие алименты?! Живи не работай. Бывшие мужья получают звания, переходят на высшие должности, зарплата растёт, растут и алименты...

Я не хочу комментировать эти слухи и эти предположения молодых лейтенантов, их опасения за своё будущее благополучие. Возможно... Но у них чётко выбито в сознании: жениться только в России, на родине. Родные или друзья давали адресок, а там уж сам договаривайся, сватайся. Но никто из молодых офицеров не вспоминал: в их бухте, бухте Чажма был взрыв. И до сих пор проводятся дезактивационные работы, и ещё недавно многие участки были отгорожены колючей проволокой с красными флажками. Молодая жизнь напрочь отменяет опасность как для себя, так и для других.

Рафик переписывался кое с кем из девушек. Одна татарочка была, были и русские. Приехал зимой в краткосрочный отпуск. Мать, Адиля Абулевна, чуть ли не в дверях: – Рафик, жениться тебе пора.

– Я для этого и приехал. Завтра же пойду на смотрины. Встречусь с теми, с кем переписывался.

– Татарочки?

– Есть и татарочка... – уклончиво ответил.

– Нет-нет! Если жениться, то только на татарочке! И мы все будем её любить и сватьёв уважать. У меня есть для тебя на примете.

– Не надо на примете. Я пойду знакомиться с татарочкой, с первой, с кем переписывался.

– Якши, Рафик. – У мамы глаза светятся любовью к сыну, а сама в тревоге...

Василий Федосеев
(Окончание следует)